

XXXVI г.

№ 51

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложаній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 24-го декабря 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

1905

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 49.

Въ святую ночь. Картина Вальтера Фирле.

Свиданіе.

Очеркъ И. Н. Потапенко.

Одного звали Васькой, другого Мишкой.

Они съ дѣтства были вмѣстѣ. Они и родились на одной недѣлѣ. Послѣ того, какъ ихъ отняли отъ матерей и они были предоставлены самимъ себѣ, ихъ можно было видѣть въ обонхъ сосѣднихъ дворахъ, мирно и дружно роющихъ одну общую яму гдѣ-нибудь подъ заборомъ, или подъ стѣнкой сарая.

Особенно это бывало пріятно въ жаркій-прежаркій лѣтній полдень. Солнце палило изо всей силы. Его прямыя горячіе лучи направлялись прямо въ ихъ выгнутыя спины, и имъ казалось, что съ неба сыплются струи раскаленного золота.

Тогда они искали прохлады и находили ее въ землѣ. Рылись въ черной влажной землѣ и, вырвыши изрядную яму, улежся въ ней, прикасаясь къ ея прохладнымъ бокамъ своимъ разогрѣвшимся тѣломъ, это такое наслажденіе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ одно: отыскавъ гдѣ-нибудь около дороги лужу отъ недавно выпавшаго дождя, забраться въ нее по самую шею и упиваться прохладною влагой.

Только подъ вечеръ они разставались, и то только потому, что принадлежали къ разнымъ дворамъ, гдѣ на ночь ихъ загоняли въ сарай и тамъ держали до утра.

Но раннимъ утромъ они опять были вмѣстѣ, сходились около кухни, гдѣ выбрасывали соръ, въ которомъ они отыскивали такія интересныя вещи, какъ корки отъ съѣденнаго вчера арбуза, кочанъ капусты и даже совершенно цѣльный огурецъ.

Когда наступила зима, ихъ дѣла нѣсколько ухудшились, имъ гораздо рѣже удавалось побыть вмѣстѣ. Большею частью жизнь протекала въ сараѣ, гдѣ было темно, холодно и неуютно. Тутъ у каждаго было по корыту, въ которомъ они находили и пищу и питье.

Однако, когда бывали солнечные дни, ихъ выпускали и они подавали другъ другу голосъ, узнавали его и одинъ изъ нихъ проникалъ сквозь дырку, пробитую ими же въ камышовомъ заборѣ, и они сходились на одномъ изъ дворовъ.

Это было радостное свиданіе пріятелей. Они тогда ходили по двору рядомъ, на своемъ странномъ языкѣ разсказывая другъ другу о пережитомъ.

Они не замѣчали, какъ росли. Изъ маленькихъ поросятъ съ розовой кожей, которая вся была видна сквозь тонкую щетинку, они превратились въ огромныхъ свиней, такъ что сосѣди про нихъ говорили:

— Ухъ, какіе славные!.. Вотъ колбасы у матушки и управительши къ Рождеству будутъ на славу!

Они это слышали, но не понимали, какая можетъ быть связь между ними, тѣмъ, что они славные, и тѣмъ, что у ихъ хозяевъ будутъ хорошія колбасы.

Они этого не понимали, но почему-то подобныя рѣчи пробуждали въ нихъ какое-то смутное непріятное предчувствіе.

Дѣло въ томъ, что матушка и управительша были сосѣдками и притомъ, надо это сказать, добрыя сосѣдки. У матушки и управительши было много дѣтей, и всегда матушка крестила у управительши, а управительша у матушки.

Управитель, который пользовался большою властью въ помѣщичьей экономіи, дѣлалъ батюшкѣ всякія одолженія, которыя, впрочемъ, ему ничего не стоили, именно: онъ позволялъ батюшкѣ держать въ помѣщичьемъ стадѣ десятокъ коровъ, которыя вмѣстѣ съ помѣщичьими паслись на помѣщичьихъ лугахъ. Когда поспѣвало сѣно, онъ присылалъ батюшкѣ первый возъ зеленой пахучей отавы, и мало ли еще что.

Если батюшкѣ нужно было подковать лошадь, то онъ отсылалъ ее прямо въ помѣщичью кузницу, и кузнецъ подковывалъ ее безъ всякихъ разговоровъ, даромъ. Точно также если у батюшки въ экипажѣ сломалась ось или что-нибудь другое, или надо было сдѣлать новый шкворень—все это дѣлалъ кузнецъ изъ помѣщичьей кузницы.

Съ своей стороны и батюшка не оставался въ долгу и дѣлалъ управляющему многія одолженія, которыя, впрочемъ, тоже не приносили ему убытка.

Такъ, во время церковной службы, онъ поминалъ имена управляющаго и его жены и всѣхъ его дѣтей на ряду съ именами людей, внесшихъ за это ленту. Отъ управляющаго же не требовалось никакой ленты. По воскресеньямъ и большимъ праздникамъ послѣ обѣдни батюшка высылалъ управительшѣ просфору, которую та бережно и съ благоговѣніемъ уносила домой.

Во время говѣнья, въ великомъ посту, когда прихожане наканунѣ причастія толпились въ церкви около столика и батюшка, накрывъ прихожанина энтрахилью, допрашивалъ его о грѣхахъ и затѣмъ прощалъ ему эти грѣхи, управитель и управительша никоимъ образомъ не смѣшивались съ толпой. Батюшка назначалъ имъ отдѣльный часъ и говорилъ съ ними о грѣхахъ долго и основательно, такъ какъ естественно, что у значительныхъ людей и грѣхи должны быть значительные.

А когда наступалъ день причастія, управитель и управительша обыкновенно стояли впереди всѣхъ и имъ первымъ доставалось причастіе.

Всѣ эти уважительныя дѣйствія цѣнились обѣими сторонами, и потому сосѣди жили въ полномъ мирѣ и согласіи. Нѣкоторое предпочтеніе, сообразно званію, конечно, отдавалось батюшкѣ, такъ что, напримѣръ, разговлялись на Пасхѣ и на Рождествѣ управитель и управительша въ домѣ батюшки, а потомъ уже вечеромъ батюшка съ матушкой приходили къ нимъ въ гости.

Очень естественно, что такія отношенія, неизмѣнно поддерживавшіяся между хозяевами, распространялись и на всѣ принадлежности сосѣдскихъ хозяйствъ. Напримѣръ: въ то время, какъ деревенскія собаки, принадлежащія къ разнымъ дворамъ, при встрѣчѣ обыкновенно останавливались другъ передъ другомъ, искоса поглядывали другъ на друга, затѣмъ, оскаливъ зубы, начинали злостно и продолжительно рычать, — собаки батюшки и управляющаго, когда встрѣчались, задрывъ хвосты кверху, пускались въ перегонку или начинали весело бороться, валяясь въ пескѣ. Гуси и утки вмѣстѣ плавали по пруду и иногда вечеромъ представлялось затруднительнымъ отдѣлить ихъ, и даже случалось, что матушка, не досчитавшись пары утокъ или гусака, говорила:

— Ну, это, значитъ, они у управительши заночевали; пусть себѣ переночуютъ тамъ.

И дѣйствительно, на утро оказывалось, что матушкины утки или гусакъ мирно переночевали у управительши, найдя тамъ дружеское гостепріимство, и затѣмъ возвратились въ хозяйское лоно.

Работники обонхъ дворовъ не только не враждовали, но нерѣдко стоваривались, какъ бы поискусѣе обокрасть хозяина—все равно какого—батюшку или управляющаго, и, утачивъ мѣшокъ пшеницы, общими силами сбывали его кабатчику и дружно пропивали.

Поэтому и наши герои водили между собою такое дружество, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у нихъ всегда были одинаковые интересы, а также и въ томъ, что ихъ ожидала одинаковая судьба.

Но прежде чѣмъ судьба ихъ опредѣлилась, до ихъ слуха доходили дружескіе разговоры матушки съ управительшей (ни батюшка, ни управляющій въ эти дѣла не вмѣшивались. У нихъ и безъ того было много дѣла—у батюшки по части спасенія душъ его прихожанъ, а у управляющаго по части помѣщичьяго хозяйства).

— Какъ вы думаете, Анна Григорьевна, — говорила матушка управительшѣ: — не пора ли нашихъ молодцовъ посадить въ сажъ?

— Ахъ, нѣтъ, матушка, — отвѣчала управительша: — вѣдь теперь еще только двадцатое октября, а я замѣ-

тила, что, когда их слишком долго держать въ сажу, такъ они дѣлаются рыхлые, сало у нихъ выходитъ слишкомъ жирное, а колбасы слишкомъ жесткія... По-моему, раньше половины ноября ихъ сажать не слѣдуетъ.

Матушка, очевидно, соглашалась съ этимъ, потому что никуда ихъ не сажали. Но то, что они слышали, наводило ихъ на нѣкоторое сомнѣніе. Опять они слышали о колбасахъ и какъ будто въ связи съ ихъ особами... Рѣшительно не могли они понять, что все это значитъ.

О колбасахъ они имѣли понятіе, не разъ они видѣли, какъ ихъ выносили изъ кладовки и ѣли. Видѣли они и сало. Но какимъ образомъ изъ нихъ могло выйти и то и другое, этого они рѣшительно не представляли себѣ.

И вотъ, однажды — это было въ половинѣ ноября, — они увидѣли, что около сараевъ въ обоихъ дворахъ появились какія-то новыя постройки. Въ обоихъ дворахъ онѣ были почти одинаковы. Это были небольшие досчатые сарайчики, похожіе на домики, только безъ оконъ. Сзади въ нихъ вела маленькая дверца, а спереди во всю ширь были придѣланы корыта, къ которымъ изъ сарайчика хода не было, а была дыра такой величины, что каждый изъ нихъ могъ просунуть въ нее голову.

— Ну, теперь пора, — сказала управительша матушкѣ. — Теперь самое время. Вы, чѣмъ думаете кормить, матушка?

— Да чѣмъ же? Я полагаю, лучше ячменной запарки ничего не придумаешь.

— Такъ-то оно, такъ, матушка, — ячменная крупа, это — само собою разумѣется — первое кушанье для этого случая; а только совѣтую вамъ для разнообразія хоть два раза въ недѣлю примѣшивать пшеничныхъ отрубей. Ужъ повѣрьте, отъ этого вреда не будетъ, а будетъ польза. Вы увидите, что это какъ нельзя лучше скажется на колбасахъ.

Послѣ этого разговора пріятелей разлучили. Одного посадили въ постройку, которая находилась во дворѣ батюшки, другого въ ту, которая была во дворѣ управляющаго. И здѣсь началась для нихъ новая жизнь — странная, какой они никогда еще не испытали и про которую ни одинъ изъ нихъ не могъ достоверно сказать, хорошая она или дурная.

Въ сажу (такъ называлась эта постройка) было совершенно темно. На досчатомъ полу была настлана солома, и каждый день приходилъ работникъ, забиралъ и выбрасывалъ въ маленькую дверцу старую солому и накладывалъ новую.

Въ такія минуты со двора въ сажу врывался холодный воздухъ отъ котораго дрожь пробѣгала по тѣлу, а въ остальное время въ сажу было очень тепло, совершенно, какъ въ кухнѣ. Изъ круглой дыры, которая вела къ корыту, во всякое время шелъ пріятный аромат запаренной ячменной крупы, и обитателямъ сажа ежеминутно хотѣлось просунуть морду къ корыту и лакомиться этимъ кушаньемъ, котораго всегда было вдоволь, и они это дѣлали каждую минуту. Но иногда въ кушаньѣ чувствовалась прибавка пшеничныхъ отрубей; это его не только не портило, а скорѣе даже улучшало.

Первое время оба очень скучали другъ по другѣ. Воспоминаніе о столь пріятно проведенныхъ вмѣстѣ дняхъ нѣсколько отравляло удовольствіе отъ такой спокойной и сытой жизни. Но мало-по-малу они привыкли къ одиночеству и стали проводить жизнь съ пріятностью.

Въ теплѣ, на мягкой соломѣ, среди глубокой тишины, никуда не нужно было ходить, чтобы промыслить о пищѣ, не нужно было рыться въ землѣ, чтобы добыть какой-нибудь корешокъ сомнительной питательности. Все было здѣсь близко, стоило только проткнуть голову къ корыту. А послѣ сытной пищи такъ сладко спалось.

И оба, каждый порознь, чувствовали, что отъ такой пріятной жизни тѣла ихъ полнѣютъ и прибавляются въ вѣсѣ. Иногда работникъ приходилъ къ нимъ съ фонаремъ, въ которомъ горѣла свѣча, и осматривалъ ихъ.

Повидимому, онъ оставался ими доволенъ. Онъ одобрительно похлопывалъ ихъ по боку и говорилъ:

— Ну, и молодчина же! Вотъ молодчина! Ну, скажу я вамъ, — говорилъ онъ, обращаясь въ маленькую дверцу, за которой во дворѣ, должно-быть, стояла хозяйка. — Ну, и колбасы же будутъ, прямо на славу!

Вотъ при этихъ словахъ на нихъ нападало странное чувство смущенія. Опять эти колбасы! Почему они всегда, какъ только заговорятъ о нихъ, сейчасъ вспоминаютъ о какихъ-то колбасахъ?..

Послѣ этого на нѣкоторое время настроеніе ихъ портилось и имъ даже не хотѣлось высовывать морды къ корытамъ. Но это проходило, и жизнь въ сажу текла своимъ обычнымъ порядкомъ.

Подошла послѣдняя недѣля Филиппова поста. Въ воздухѣ уже висѣли рождественскіе праздники и всѣ къ нимъ готовились.

Изъ длинныхъ и высокихъ трубъ, которыя возвышались надъ «кѣминами» и «кабыдами», сняли висѣвшіе тамъ окорока, достаточно уже прокоптившіеся дымомъ.

Молодые парни накупили себѣ на базарѣ новыхъ червонныхъ поясовъ, которые, какъ извѣстно, неотразимо дѣйствуютъ на сердца деревенскихъ дивчатъ.

Большіе сапоги, у кого только они были, во всей деревнѣ, были смазаны великолѣпнымъ чистымъ дегтемъ, а у дивчатъ, само собою разумѣется, у которыхъ нашлись для этого деньги, появились новыя наміста (бусы) и черевички съ подковками.

Что произошло на этой недѣлѣ въ сажу — во дворѣ батюшки и управляющаго — мы объ этомъ лучше не будемъ говорить. Достоверно извѣстно только одно, что въ корыта уже больше не подсыпали запаренной ячменной крупы, да и самыя постройки скоро были разобраны и отъ нихъ не осталось и слѣдовъ.

А то, что случилось съ обоими пріятелями, покрыто тайной, такъ какъ оба работника — и батюшкинъ и управительскій — совершали свою работу въ сараяхъ съ плотно притворенными дверями раннимъ-раннимъ утромъ, когда на небѣ еще догорали послѣднія звѣзды, а солнце еще и не подумало о томъ, чтобы вставать, а лѣниво нѣжилось себѣ въ постели.

Вечеромъ, наканунѣ Рождества, отъ матушки принесли къ управительшѣ посылку, а отъ управительши точно такую же посылку принесли къ матушкѣ. Обѣ были очень тронуты и чѣлѣли передать хозяйкамъ благодарность.

А въ самый день Рождества, когда послѣ обѣдни къ батюшкѣ припили управляющій съ своей женой, будучи приглашены къ столу, и начали разговариваться, — на столѣ, на кругломъ блюдѣ, лежали куски великолѣпнаго сала, розоваго и прозрачнаго, какъ щечки молоденькой дѣвушки.

И матушка, потчуетъ управительшу, говорила:

— Попробуйте, Анна Григорьевна, сало — вотъ это отъ нашего Васьки, а это, которое вы мнѣ прислали вчера, отъ вашего Мишки. Вотъ попробуйте то и другое, и не различите, увѣрю васъ, не различите...

Не успѣла управительша, какъ слѣдуетъ, попробовать два сорта сала, какъ на столѣ подали сковороду, на которой два кольца колбасы, сильно зарумяненные отъ жару, еще подпрыгивали въ кипящемъ салѣ.

— Вотъ это, Анна Григорьевна, — сказала матушка: — которая побольше, это — отъ нашего Васьки, а вонъ та отъ вашего Мишки. Вотъ попробуйте и, ей-же-ей, такой вкусъ, какъ будто отъ одного. Только вы въ свои чуть-чуть больше чесноку положили...

— Ахъ, — говорилъ батюшка, обращаясь къ управляющему и вмѣстѣ съ нимъ пробуя сало и колбасу отъ Васьки и отъ Мишки: — дивны дѣла Божіи!.. Вотъ они всю жизнь дружили, вмѣстѣ росли, даже родились на одной недѣлѣ. И вотъ на одной сковородѣ ихъ изжарили... Вотъ, гдѣ они свидѣлись... Какъ все это мудро устроено!.. Прямо удивительно!.. Да, дивны дѣла Божіи!..

Человѣкъ, потерявшій сердце.

Рождественская сказка

Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

I.

Звонко призывали церковные колокола къ молитвѣ.

«Бумъ-бамъ-бимъ! Бумъ-бамъ-бимъ», — гармонично переливается въ морозномъ воздухѣ ихъ перезвонъ, несясь съ колокольни, стоящей за густой стѣной старыхъ деревьевъ, расцвѣченныхъ искрицимъ, точно драгоценные камни, инеемъ.

Гдѣ-то, за широкимъ пространствомъ рѣки, точно слабымъ эхомъ, отзывалась дриблая мѣдь колоколовъ слободского храма.

Красивымъ, сильнымъ звукомъ «бимъ» прозвучалъ го-

родской перезвонъ и замолкъ на высокой нотѣ, высоко-высоко — растаявъ въ небѣ.

Хорошій звонарь Иванъ Двуниткинъ. Нѣтъ ему подобнаго въ цѣломъ городкѣ. Нечего говорить, любить онъ это дѣло, и у него нѣтъ лучшаго наслажденія, какъ «поиграть маленько съ колоколами», по его выраженію.

Двуниткинъ не звонарь по профессіи, онъ простой штучникъ-портной, но слава объ его искусномъ звонѣ распространилась далеко за предѣлами городка.

Портной-звонарь мѣстная знаменитость, и, какъ у знаменитости, у него свои капризы и привычки. Его приглашаютъ звонить, какъ гастролера, во все городскіе храмы на большіе праздники.

Церквей въ городѣ цѣлыхъ восемь, но къ рождественской службѣ, а равно и при встрѣчѣ архіерея, наѣзжающаго перѣдко въ городокъ, Двуниткинъ соглашается звонить только у «Солунскаго», т. е. въ церкви св. Дмитрія Солунскаго.

На вопросъ горожанъ, почему онъ отдаетъ предпочтеніе этому храму, портной добродушно улыбается, глубокомысленно сбираетъ въ ладонь свою жиденькую, торчащую въ разныя стороны, рыжеватую бородку и, послѣ минутнаго раздумья, рѣшительно отвѣчаетъ:

— Потому что вы все неучи и дураки!

«Неучи и дураки» не сердятся за подобное названіе на портного и ожидаютъ его дальнѣйшаго объясненія, которое сейчасъ и слѣдуетъ:

— Колокола въ ладъ у «Солунскаго» подобраны, разъ; тресцинь, пленокъ тамъ, что ли, ни единой, ни на одномъ, вылиты какъ есть въ пленорцію, два; да и колоколья ловко поставлена, звонъ окрестъ летитъ, не то что на соборной, въ логъ прячется, или у Вознесенія по низинѣ плачетъ госкливо разливается, это три! Понять изволили, господа горожане?—насмѣшливо кончилъ Двуниткинъ.

— Понять-то поняли,—чесали затылки «господа горожане», состоявшіе преимущественно изъ мелкихъ базарныхъ торговцевъ и мѣщанъ:—а вотъ все жъ намъ невдомекъ, почто ты

о великъ день въ соборѣ языками на колокольнѣ играешь, а объ Рождество не идешь туда?

— Тутъ загвоздка другая!—хитро подмигнувъ однимъ глазомъ, проговорилъ портной и, наслаждаясь недоумѣніемъ своихъ слушателей, томилъ ихъ отвѣтомъ.

— Какъ застынетъ наша рѣчонка-матушка, какъ поляжетъ снѣжокъ-то бѣленькій, чистенькій по пригоркамъ да кручамъ, заноронитъ логи и рывинки, звонъ-отъ совѣмъ иначе разносится. А заскрипитъ морозъ трескучій, одѣнетъ деревца въ брильянты да самоцвѣты, тутъ и совѣмъ моихъ мѣдныхъ друзей не узнаешь—тѣ, да не тѣ.

— Отчего же это случается, дядя Иванъ?—загудорили ревнителю «благопристойнаго звона».

— Эхъ, вы, несмышленки! Въ тѣ поры Творецъ небесный всю нечисть-то, что мы своими грѣшными устами извергаемъ, злобу нашу, ненависть, всю нашу скверну снѣжкомъ-то своимъ чистымъ къ землѣ попридавить, благовѣсту и нѣту препоны въ воздухѣ разносится...

— То-то по лѣту какъ колокольный звонъ глушится!—перебилъ его одинъ изъ «горожалъ».

Портной презрительно на него поглядѣлъ:

— Глушится! Тоже сказалъ. Иной разъ совѣмъ не летитъ съ колокольни, точно топоромъ «чикъ» и смолкъ. Противъ «Солунской»-то, ишь, садъ какой густой; какъ это вдаритъ въ край колокола, а онъ, сердешный, запосетъ, звонъ полетитъ, да между деревьями-то, въ вѣтвяхъ, съ морозомъ и начнетъ разговоръ.

— Вонъ оно, дѣло-то какое. Дошлый же ты парюга, Иванъ! Мастакъ, одно слово!—раздались восклицанія среди слушателей.

Ободренный ими, портной продолжалъ свои объясненія.

— Бумъ-бамъ-бимъ! заговорили мои голубчики мѣдью старинною, а серебро, что въ нее примѣшано, свою звонкую пѣсню поддѣваетъ, а деревья въ ту пору на время проснутся отъ зимней спячки и, точно струнами, вѣтвями заиграютъ, гуломъ своимъ со звономъ переливаются... Съ нами Богъ, съ нами Богъ! благовѣстятъ. Звоню я въ тѣ поры, а самъ плачу, таково-то отрадно мнѣ на душѣ становится, точно меня превыше всѣхъ на землѣ поставили.

Слушатели, пораженные словами рассказчика, молчали, а по щекамъ портного катились слезы.

И переполнялся весь берегъ рѣки въ канунъ Рождества любителями «малиноваго звона» еще до перваго удара въ колоколъ. Лишь только въ пролетахъ высокой колокольни при храмѣ Дмитрія Солунскаго блеснетъ огонекъ фонаря, съ которымъ взбирался Двуниткинъ, вся толпа сразу встрепенется, чутко ожидая начала стройнаго разговора колоколовъ съ заснувшими на зиму гигантами-деревьями.

И не можетъ досыта наслушаться, насладиться этимъ чуднымъ благовѣстомъ, заставляющимъ радостно трепетать всѣ сердца.

II.

Нѣтъ, не у всѣхъ радостно билось сердце въ эту минуту...

Никита Максимчиковъ слушалъ вдохновенный благовѣстъ безучастно. Да это и было понятно—у него не было сердца—онъ его, какъ самъ говорилъ, потерялъ...

Ни жена его, Авдотья Семеновна, никто изъ дѣтей, которыхъ у Максимчикова было четверо, не знали, какъ это случилось.

Но потеря эта сильно подѣйствовала на богатаго мѣщанина.

— Ты, того, знаешь, — сказалъ онъ женѣ, съ педовольнымъ видомъ поглядывая на дѣтей, аппетитно уписывавшихъ за обѣ щеки гречневую кашу: — поменьше бы дѣтей кормила, да и сама не набѣдалась бы много...

Изумленно взглянула на него жена; скуповать мужекъ сѣ—это правду сказать, а въ пицѣ никогда не выдвигавъ, по возразить Никитѣ ничего не посмѣла, приказъ его исполнила—стали ѣсть всѣ поменьше.

Максимчиковъ все же не унимается, ворчитъ попрежнему, кускомъ хлѣба жену и дѣтей коритъ:

— Обѣдали ненасытные! Только бы вамъ жрать депьденской!

А куда тутъ, иной день и горячаго Авдотья не варить, пожуютъ черствого хлѣбушка, водичкой запьютъ, вотъ и вся работа. Ребятки отъ голода пухнуть, а молчать, тятку

тревожить бояться, знаютъ сердешные отъ мамы, что у него потеря великая случилась, сердце потерялось.

— Оттого, голубенки мои, онъ и ѣсть велитъ поменьше, что о сердцѣ своемъ скорбитъ!—оправдывала передъ дѣтьми мужа Авдотья.

Домикъ свой, а ютятся всѣ въ углу въ подвалѣ, сырость, холодъ зимой, да и одежда у всей семьи плохая. Хорошее же помѣщеніе Никита подъ богатыхъ людей отдавъ, плату съ нихъ получаетъ, другой, такой же подвальчикъ, какъ сами они жили, сняла у него одна бѣдная вдова. Вязала она варежки, носила на базаръ продавать, да кое-какъ впроголодь этимъ и питалась.

— Ты, того, Марья, за мѣсяцъ мнѣ полтину серебра не заплатила, — значительно сказалъ ей Никита: — ждаль, пока ты мнѣ улатинишь, не буду, а выгоню въ зашей изъ подвала, такъ ты это и знай!

Бѣгала, бѣгала, хлопотала баба весь день, къ вечеру безъ денегъ домой вернулась; дѣвчонка маленькая у нея была, сидитъ голодная у холодной печурки и плачетъ.

— Вотъ бѣда пришла къ намъ, Марѳуша, — заплакала въ свою очередь и вдова: — ни денегъ, ни ѣды, да и протопить нечѣмъ.

— Достала, Марья, денегъ?—сурово спросилъ Никита.

Заплакала вязальщица.

— Какое тамъ достала! Ѣсть себѣ да дѣвчонкѣ печего.

Къ Максимчикову подошла Марѳуша.

— Дяденька Никита, пожалѣй ты насъ съ мамкой, дай ты намъ пожевать хлѣбушка.

— Убирайтесь вы вонъ изъ подвала. Какой тамъ еще хлѣбушка, развѣ не слышали, что я свое сердце потерялъ, нѣтъ у меня съ той поры никакого хлѣбушка!—сердито закричалъ Никита, и какъ давеча утромъ сказалъ вдовѣ—такъ и поступилъ сейчасъ, выгналъ ихъ на морозъ на улицу.

Заплакала еще сильнѣе вдова и ребенокъ и ушли изъ подвала.

Въ дверяхъ имъ попала навстрѣчу Авдотья.

— Выгналъ насъ твой-то на морозъ!—заявила Марья.

— Не внии, тетка, мово мужа, иначе онъ ничего не можетъ сдѣлать, грустить очень о потерянномъ своемъ сердцѣ!—возразила Авдотья.

Печально посмотрѣли обѣ женщины одна на другую и молча разошлись. Онѣ поняли другъ друга. Не легко жило имъ обѣимъ.

Между тѣмъ Никита ничего не думалъ о тѣхъ, которые плачутъ отъ голоду, ему было все равно, что будетъ съ его женою и дѣтьми.

Онъ вѣдь потерялъ свое сердце.

Сегодня, какъ парочно, былъ Рождественскій сочельникъ. Плачущей Марѣ, идущей со своей голодной Марѳушей куда глаза глядятъ, попался навстрѣчу портной-звонарь.

— Куда Богъ несетъ, тетенька Марья?—привѣтливо спросилъ онъ вдову.

Прерывающимся отъ слезъ голосомъ рассказала она Двуниткину про свое горе.

— Вотъ оно дѣло-то какое, — задумчиво промолвилъ портной и подергалъ за козырь свой картузь, точно сомнѣвался, тутъ ли, на головѣ ли еще онъ находится.

— Ты бы, голубчикъ, помогъ Никитѣ-то поискать его сердце, авось не такимъ лютымъ бы сталъ, какъ оно бы нашлось.

— Что-жъ, тетенька, подмогу Максимчикову, поищу съ нимъ вмѣстѣ сердце-то, — согласился звонарь-любитель и, выталивъ завалившійся у него мѣдный пятакъ, отдалъ вдовѣ.

— Спасибо, родный, что не забылъ меня про великъ праздникъ, — низко поклонилась ему женщина.

И они разошлись.

«Отчего-жъ въ самомъ дѣлѣ, не помочь въ добромъ дѣлѣ, найти Никитѣ потерянное сердце? — разсуждалъ самъ съ собою Двуниткинъ. — До вечерняго звона еще время не мало, поискать вдвоемъ съ нимъ можемъ, авось и найдемъ.»

Портной твердо рѣшилъ оказать помощь Максимчикову и прямо зашагалъ къ нему въ подвалъ.

III.

— А что, тятка дома? — спросилъ портной сидѣвшихъ по лавкамъ оборванныхъ, полуголодныхъ ребятъ.

— Дома-то дома, дяденька Иванъ, — отвѣтилъ старшій мальчикъ: — только больно онъ занятъ теперь... сердце все свое ищетъ.

— Ну, значить, я къ разу поспѣлъ! — весело отозвался гость. — Подмогу ему охотно, гдѣ тятка-то?

— Въ пустомъ свинятникѣ, тамъ у него пошѣ все хламье свалено.

Портной не сталъ больше разспрашивать ребятъ и, выйдя во дворъ, направился къ елѣ державшейся, сопрѣвшей отъ ветхости, свиной закутѣ.

Максимчиковъ копошился внутри пристройки.

— Съ наступающимъ праздникомъ, дядя Никита, — сказалъ Двуниткинъ, еле пролѣзая въ низенькое отверстіе.

Хозяинъ испуганно обернулся и захлопнулъ крышку стараго большого сундука; видимо онъ былъ недоволенъ приходомъ гостя.

— А я къ тебѣ помогать пришелъ, — весело продолжалъ портной, точно не замѣчая его неудовольствія: — пропажу твою отыскивать.

— Да, бѣда моя великая, запропастилось сердце-то мое, отыскать не могу, — захныкалъ хозяинъ.

— Вдвоемъ-то искать сподручѣе, скорѣе найдемъ...

— Куда ужъ тутъ найти, все, до послѣдней тряпочки перерылъ, сгинуло, пропало безъ слѣда.

— А ну-ка, примемся еще разокъ сызнова, — предложилъ портной: — все перетряхнемъ, переглядимъ, авось и удачи добьемся.

Не хотѣлось видимо Никитѣ подпускать чужого человѣка къ сундуку, но портной не сталъ долго ждать. Приоткрылъ крышку сундука, и прежде чѣмъ Максимчикову удалось ее снова прихлонуть, всунулъ пошью между ней и стѣнками и началъ быстро рыться въ тряпѣ.

Съ помутившимся взоромъ смотрѣлъ на него Никита, трепещущими руками стараясь оторвать портного отъ сундука.

— Поймай, дядя, не мѣшай, дай кончить, — спокойно отвѣчалъ Двуниткинъ, продолжая рыться въ тряпѣ.

Максимчиковъ совсѣмъ потерялся, не зная, какъ поступить со своимъ непрощеннымъ помощникомъ.

— Нашелъ что-то мягкое, — торжествующимъ голосомъ закричалъ заонарь и вытащилъ изъ сундука большую пачку крупныхъ ассигнацій.

Никита хотѣлъ вырвать ихъ у него изъ рукъ, но Двуниткинъ не далъ и сталъ развѣтывать пачку.

— Такъ и есть! Вонъ оно у тебя куда попало! — торжественно проговорилъ портной, вынимая изъ пачки какой-то маленькій, заплеснѣвшій, затхлый комочекъ, похожій на высохшій грецкій орѣхъ.

— Вотъ твое сердце, я нашелъ его; да развѣ можно за-

вертывать его въ ассигнаціи и билеты и прятать въ сундукъ? Сознайся, дядя Никита, — обратился портной къ хозяину: — ты вѣдь самъ его завернулъ и сюда спряталъ?

— Самъ, — еле слышно отвѣтилъ Максимчиковъ.

— Да развѣ можно такъ поступать. И здоровымъ оно у тебя быть не можетъ, и благовѣста моего чрезъ свою обертку не услышитъ никогда. Посмотри, какое оно стало чертвое, жизни въ немъ нѣтъ. Лучше возьми ты его съ собою, Никита

— А деньги-то, ассигнаціи?... — прохрипѣлъ хозяинъ.

— Чудакъ ты, право, пріятель, онѣ вредъ твоему сердцу приносятъ, а ты о нихъ заботишься. Я ихъ отдамъ твоей женѣ, пусть о дѣтихъ твоихъ, да о Марѣ вдовѣ съ дочуркой позаботится.

Никита стоялъ, точно сраженный громомъ; переданное ему портнымъ сердце стало понемногу шевелиться.

— Миѣ же какъ быть безъ нихъ? — растерянно спрашивалъ онъ портного.

— Да какъ раньше жилъ, такъ и живи. Нашлось теперь сердце, — семью не мори голодомъ, помѣщеніе отведи имъ лучшее. Марью съ сиротой прими въ свой домъ обратно, пригрѣй, накорми, уголъ дай; нищимъ, убогимъ помогай! — продолжалъ портной учить Никиту.

Внимательно слушалъ послѣдній звонаря, а сердце его все сильнѣе и сильнѣе билось и росло.

— Видишь, какое у тебя стало большое сердце, не прятать его въ ассигнаціи, какъ раньше, и все пойдетъ ладнѣе! — закончилъ Двуниткинъ свои наставленія. — Пора и миѣ на колокольню, — прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ портной-звонарь: — ишь, звѣздочка какая яркая загорѣлась на небѣ. Христосъ родился. Царь вселенной между нами на землѣ. Нужна Его скорѣе, нашего Творца, благовѣстомъ достойнымъ встрѣчать.

И Двуниткинъ ушелъ изъ дома Максимчикова.

Скоро заговорилъ звончій колоколь у «Солунскаго». Торжественно сталъ разносить онъ людямъ дорогую вѣсть о рожденіи Искупителя міра.

Радостно снова забились всѣ сердца. На этотъ разъ и Никита радовался со всѣми вмѣстѣ, и его найденное звонаремъ сердце счастливо трепетало вмѣстѣ съ другими. Жена его, Авдотья, дѣти и вдова Марья съ Мароушней радовались, что Никита нашелъ свое потерянное сердце, имъ не пужно было болѣе голодать, холодать и ютиться въ сыромъ подвалѣ.

А колокола весело переговаривались съ проснувшимися деревьями стараго сада, вмѣстѣ съ ними сливавшими свой гармоническій гулъ въ торжественную пѣснь всего міра:

«Съ нами Богъ».

Вѣтви елки.

Умирая, дитя повторяло въ бреду:

«Мама, гдѣ ты? Одна я въ тѣнистомъ саду!

«Мама, ближе, родная, присядь на постель...

«Видишь, темнымъ шатромъ наклонилась ель...

«Птицъ не слышно, не видно ни травокъ, ни розъ;

«Снѣгомъ бѣлымъ закрылъ всѣ дорожки морозъ;

«А вдали, видишь, мама, все ярко блеститъ:

«Тамъ красивая елка огнями горитъ,

«А надъ ней, точно куполь съ блестящей звѣздой,

«Сводъ небесный нависъ и манитъ синевой.

«Мама, мама, пойдемъ... Какъ прекрасенъ мой садъ!

«Видишь, ангелы тихо надъ елкой летятъ...

«Дорогая, прижмись же ко мнѣ, обними...

«Мнѣ такъ чудно въ саду... Меня манятъ они!..»

Утромъ къ кладбищу тихо ребенка несли;

Пѣснь прощанья, рыдая, звучала вдали;

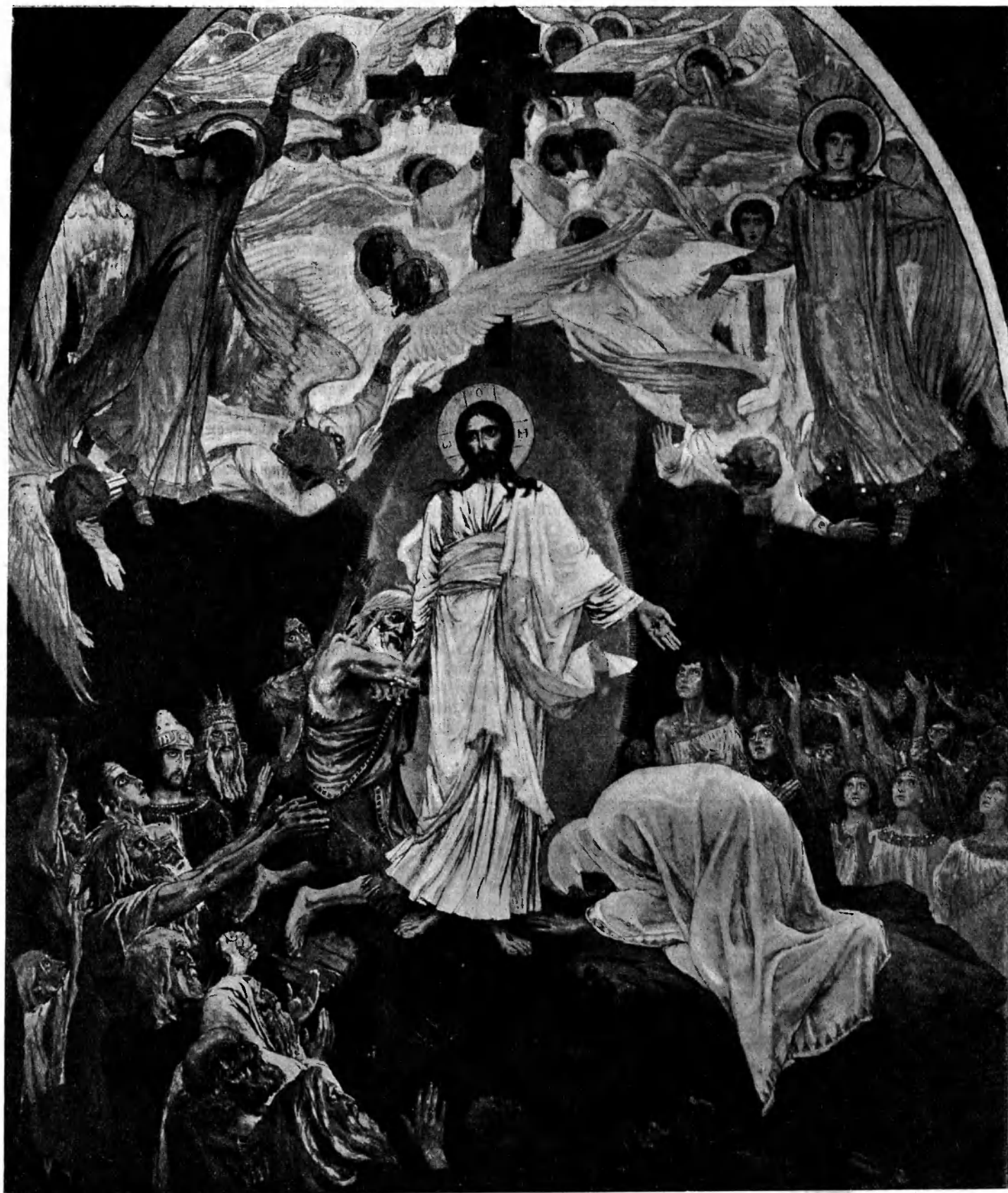
Огорченная мать шла за гробомъ одна;

Пусто было кругомъ, даль темна и мрачна;

Плачь мятелъ звучалъ, завывая, глухой...

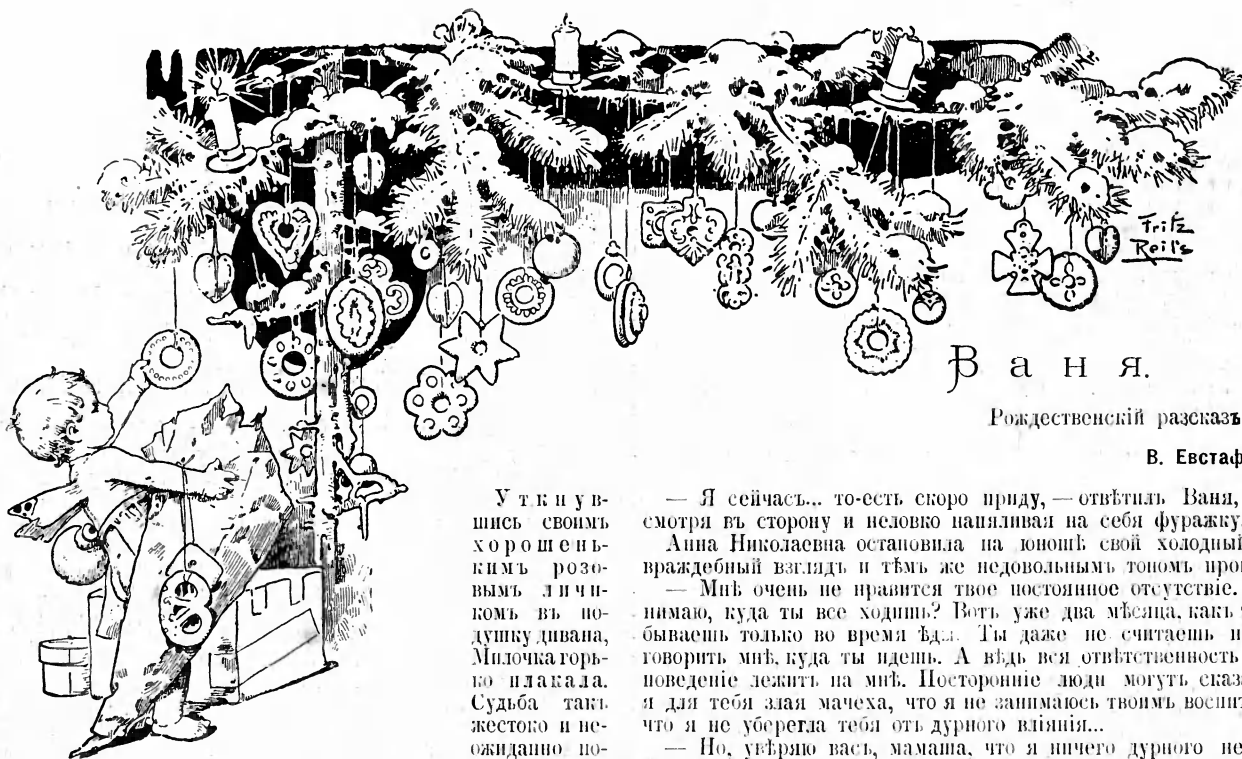
Смятый сѣнникъ лежалъ на дорогѣ большой...

Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій.

Сошествіе во адъ.

Картина проф. В. М. Васнецова, авт. «Нивы».

В а н я.

Рождественский рассказ

В. Евстафьевой.

Уткнувшись своим хорошеньким розовым личиком в подушку дивана, Милочка горько плакала. Судьба так жестоко и неожиданно посмала ей первое

тяжелое разочарование. Она с таким нетерпением ожидала того дня, когда ей исполнится шестнадцать лет, когда она из девочки превратится во взрослую барышню, оденет длинное кисейное, «в мушкет», платье и пойдет на свой первый бал. Она так мечтала об этом платье. И вдруг... мать объявила ей сегодня, что платья не будет и что о балу и думать нечего, что средств на это нет.

Эти ужасные слова как громом поразили ее. Милочка к этому совсем не была подготовлена. Она так избалована, так привыкла к роскоши, которая ее окружала еще так недавно. В ее хорошенькой головке никак не могла вжиться мысль, что со смертью отца исчез источник этой роскоши, что полтора года, прошедшие со дня его кончины, совершенно разрушили ее материальное благополучие и создали ей новую, полную горя и лишений, жизнь, о которой она не имела ни малейшего представления. Она пришла из института домой на рождественские праздники с заветной мечтой о первом балу, и вот эту мечту пришлось теперь хоронить. Это было ужасно.

В дом шли приготовления к сочельнику; но Милочка, все поглощенная своим горем, ничего не замечала. Порою она поднимала от подушки свое заплаканное личико и, обращаясь к стоявшему перед ней гимназисту лет 19, с отчаянием повторяла:

— Ты понимаешь, Вани, это была моя мечта, заветная мечта!.. — и, забывав на минуту о своем горю, она продолжала:

— Мы с Таней Мушкетской... помнишь Таню? Еще такая маленькая, рыженькая?..

Гимназист кивнул головой.

— Так вот, мы с Таней все мечтали о первом балу и ржили, что у ней должно быть розовое кисейное платье, а у меня — белое в мушкет. А мама сегодня сказала... что и ей-то не в чем идти со мною, что она все... все хорошее продала... Не будет моего бала... моего первого бала... — через слезы договорила Милочка и снова, уткнувшись в подушку, разрыдалась.

Вани стоял над плачущей сестрой и что-то соображал. Потом неровной, угловатой походкой направился в переднюю. Проходя мимо комнаты Анны Николаевны, своей мачехи, он с беспокойством оглянулся на дверь, как бы желая удостовериться в том, что он может уйти незамеченным, и стал торопливо одевать пальто.

— Ах, оставь меня в покое! — раздался из соседней комнаты раздраженный голос Анны Николаевны. — Я уже тебе сказала, что елки не будет. А если ты не перестанешь хныкать, то и тебя выгнано вон из моей комнаты.

Это энергичное предупреждение, однако, не помогло. Через минуту до слуха Вани долетели еще более резкий возглас мачехи: «Так ты так слушаешь маму?... Марш в детскую!..» На пороге с шумом отворившейся двери появилась Анна Николаевна, ведя за руку упиравшуюся и горько плакавшую девочку лет пяти. — «Марш!» — повелительно повторила Анна Николаевна, толкая девочку по направлению к детской.

— А ты куда это опять отправишься? — недовольным тоном спросила Анна Николаевна, увидев Ванию в пальто и с фуражкой в руке.

— Я сейчас... то-есть скоро приду, — ответил Вани, угрюмо смотря в сторону и неловко наплевывая на себя фуражку.

Анна Николаевна остановила на пороге свой холодный, почти враждебный взгляд и тем же недовольным тоном произнесла: — Мне очень не нравится твое постоянное отсутствие. Не понимаю, куда ты все ходишь? Вот уже два месяца, как ты дома бываешь только во время еды. Ты даже не считаешь нужным говорить мне, куда ты идешь. А ведь вся ответственность за твое поведение лежит на мне. Посторонние люди могут сказать, что и для тебя злая мачеха, что я не занимаюсь твоим воспитанием, что я не уберекла тебя от дурного влияния...

— Но, уверю вас, мамаша, что я ничего дурного не делаю. Я иду на ренетацию.

— Ну, сегодня-то уж мог бы посидеть и дома. Ведь знаешь, что перед праздником много работы. Мог бы в чем-нибудь помочь мне. Да, кстати, почему это ты всегда запираешь на ключ дверь в свою комнату?

Юноша смущался; густой румянец покрыл его щеки.

— Так... у меня там... боюсь, что Сони и Мити мои книги попортят... бумаги порвут...

— Какая заботливость! Давно ли ты стал беречь свои книги? — поджимая губы, прощала Анна Николаевна и, круто повернувшись, пошла в свою комнату.

Вани посмотрел вслед уходящей мачехе и, нахлобучив фуражку, поспешно вышел из дому.

В столовой все еще плакала Милочка. В детской Соня и семилетний Митя, перебивая друг друга, рассказывали старушкиным, какая у них была давно-давно чудная огромная елка. Они с огорчением жаловались на то, что Боженька взял их папу и что мама говорит, что елки уже больше никогда не будет. Дички их печальны.

Старушка-няня ласкает детей, гладит их головки и в утешение рассказывает о чудном Божественном Младенце, который много лет тому назад родился в пещере. Что большая звезда появилась тогда на небе и привела пастухов и волхвов в ту пещеру, где в яслях на сене почивал Спаситель мира. Долго говорить няня о Чудном Младенце. Дети жмутся к старушке и, забыв о своем горю, с восторгом и любопытством слушают простой и таинственный рассказ своей няни.

А в это время в спальне на неубранной постели сидит Анна Николаевна и думает свою невеселую думу. Мысли вереницей проходят в печально склоненной головке. Вспоминается ей девочка жизнь в доме родителей, жизнь безбедная, беззаботная: годы учения, подруги по гимназии; вот и желанный шестнадцатый день — она уже была взрослая барышня. Каким ясным, заманчивым казалось ей будущее. Сердце радостно билось и

рвалось навстречу этому неизвестному, но милому будущему... Семнадцати лет она страстно влюбилась и вышла замуж за молодого вдовца. Муж ее любил и баловал. Ничто, казалось бы, не должно было омрачать счастливых дней новобрачных; но, однако, у семейного очага их не редко происходили горячие ссоры, а порою и продолжительные ссоры. Анна Николаевна, безумно любившая своего мужа, не могла примириться с мыслью, что другая женщина была еще так недавно близка и дорога ей мужу. Что эта женщина оставила, как залог своей любви, годового ребенка, которого отец обожал. Этот ребенок, этот капризный, неграмотный и вечно пасмурный ребенок, Ваня, кидавший на нее исподлобья злобные взгляды и отшвыривавший на каждую ласку отпа самой горячей порывистой лаской, казалось ей, отнимал от нее сердце ее мужа. Этот ребенок и был всегда причиной разлада в их жизни. Она возненавидела его и с трудом сдерживала в себе это неприязненное чувство. И теперь вот, сидя на кровати, вспоминая свою прошлую жизнь, она ни на секунду не задумалась над своим несправедливым, недружелюбным отношением к сыну. Она думала только о своих детях, о грозившей им бедности. Она находила, что судьба несправедлива и к ней.

«Вот до чего я дожила,—думалось ей:—до того, что сижу одинокая, всеми забытая. Дочь Людмила еще слишком молода, слишком эгоистична для того, чтобы понять всю тоску разбитого сердца, все заботы и огорчения матери-семейницы, оставленной на тяжелом жизненном пути, без средств к жизни, без подготовки к самостоятельному труду».

И вспомнилось ей, как много лет тому назад, молодая, цветущая, окруженная богатством, пылкой заботливостью мужа и толпою поклонников, она проповедывала идею равенства. Она страстно увлекалась этой идеей и тоном непоколебимого убеждения утверждала, что давно прошло то деспотическое время, когда жена завистла от мужа, что теперь жена — такой же равноправный член семьи, как и муж, и что даже жена и мать — гораздо больше значить в семье, чем муж...

Вспомнила Анна Николаевна свое молодое самонадеянное и горько улыбулась.

— Да,—прошптала она:—равноправность моя осталась, а все остальное—в могиле!

Анна Николаевна, несмотря на свои 35 лет и красивую еще наружность, со смертью мужа стала считать себя старухой. Всецело отдавшись воспитанию детей и оберегая их, насколько возможно, от нужды и лишений, она почти забывала себя. Только тоска по любимому мужу да вечный страх за будущее детей мучили ее постоянно. Чувство одиночества и безпомощности росло в ней с каждым днем все сильнее и сильнее. И сегодня, вот, это тоскливое чувство не дает ей покоя. Она вспоминала прежние рождественские праздники, роскошный ужин, толпу нарядных веселых гостей, и сердце ее тихонько сжалось. Она тяжело вздохнула и, смачнув слезинку, медленно поднялась с кровати.

Пора было накрывать на стол. Уже смеркалось. На потемневшем небосклоне кое-где показались звезды, проливая мягкий серебристый свет на погружающуюся во мрак землю.

— А где же Ваня? Опять его нет? — спросила Анна Николаевна, садясь за стол, вокруг которого в ожидании обеда сидели одетые по-праздничному Митя и Соня и грустная, с распухшими от слез глазами, Милочка. — Вечно он где-то пропадает! — раздраженно закончила Анна Николаевна, принимаясь наливать детям уху.

Видя, что мама сердита, дети присмирели и молча стали есть. В маленькой уютной столовой царил тишина, нарушаемая только стуком ложки о тарелки. Но вот и он стих. Все сидеть молча и неподвижно, углубившись каждый в свою думу. Только маленький красноречивый Митя озирается кругом, словно ищет чего-то. Наконец, он обернулся к стоявшей за его стулом няне и шепотом спросил:

— Няня, а ангелочки уже прилетели?

— Прилетели, прилетели, родной мой. Будь папашкой, как и тебя учила, а то они улетят и елочку назад к Боженьке унесут. При этих словах Анна Николаевна сделала нетерпеливое движение и резко заметила:

— Ты, Милочка, рассказывай детям сказки когда-нибудь в другое время, а не за столом.

— Да и что это, барыня, сказки? Я им только сказала, чтобы чинно себя вели, а то елки не получать.

— Получать или не получать—это мое дело! — перебила ее Анна Николаевна. — А ангелы-то тут при чем?

— Как при чем? — обиженно спросила старуха. — Известное дело, что в сочельник ангелы Господни промешают хороших людей детають и милость Божию разносят. Кто чего хочет, то от Господа и получает. А детям одна радость—елка да гостинцы, больше им ничего не надо. Вот Боженька им эту радость через своих ангелов и посылает, ежели они хорошо себя ведут,—наставительно закончила няня, глядя Митю по головке.

— Мама, мама, Ваня писем! — радостно вскрикнула Соня, увидев через полуоткрытую дверь проходившего по коридору брата.

— Ну, пришел так пришел. Чего же ты кричишь-то? — раздраженно сказала Анна Николаевна и, обращаясь к вошедшему через минуту в столовую сыну, сурово спросила:

— Где ты был? — и, не дожидаясь ответа, добавила: — Ты бы хоть немножко почище оделся по случаю праздника. Гостей хотя и нет, а все же следует быть поприличней. Посмотри, на что ты похож? — и она брезгливо указала на его короткую, всю в пятнах куртку.

Юноша густо покраснел.

— У меня ничего другого нет, все уже износилось,—ответил он, глядя в тарелку.

— А твои репетиторы? Ведь ты зарабатываешь больше 20 р. в месяц.

— Я почти все отдаю вам,—тихо сказал Ваня и исподлобья с упрямством посмотрел на маму.

Анну Николаевну уколол этот ответ, и она, больше ничего не сказав, отвернулась к детям.

— А я у Ваня видела болсую калитину,—сказала вдруг Соня, нарушая наступившее тягостное молчание. — Она лежала на полу и Ваня все по ней лязными калындасиками водил; болсая-плеболсая! — протянула девочка и, оттопырив свои розовые губки, добавила: — Ваня все от меня двели записал, а я все видела, видела.

— Что это, ты живописью забавляешься? Поздравляю. Хорошее занятие для ученика восьмого класса, у которого выпускные экзамены на носу! — с иронической улыбкой протянула Анна Николаевна.

Ваня ничего не ответил и низко наклонил голову над тарелкой.

Он привык к враждебному отношению к себе мамы, но сегодня ему было особенно тяжело выслушивать эту колкость. Его приподнятое, радостное настроение сразу исчезло, сердце болезненно сжалось и перед мысленным взором его снова предстали грустные картины недавнего детства и юности. Не испытывавший пылкой материнской ласки, Ваня рос в семье как чужой. Отец его любил, но, занятый службой, редко был в кругу семьи. Энергичный, деятельный и вечно занятый крайне ответственными инженерными работами, он не баловал детей особенной пыжностью и к Ване, относился, как и к прочим детям, спокойно и сдержанно. Но как радостно билось сердце Вани, когда отец, замечив несправедливое отношение к нему мамы, ласковыми словами старался его утешить. Но это случалось не часто. Время шло. Из общительного, заботливого ребенка, Ваня стал юношей, сознательно относившимся к своему положению в семье. Обращение мамы не сдвигалось лучше, хотя он и старался не давать ей повода высказывать свое недоброжелательство. Всегда почтительный и вежливый, он спокойно переносил ее рзкости, что, видимо, еще более раздражало ее.

Но вот умер отец. Условий жизни Вани и всей семьи круто изменились. Роскошная обстановка, обширный круг знакомых, веселая, беззаботная жизнь—все это исчезло как по мановению волшебного жезла. Отец ничего не оставил семье, кроме маленькой пенсии, которой еле-еле хватало на то, чтобы не умереть с голоду.

Из большой богатой квартиры Анна Николаевна с семьей переехала в крошечные четыре комнаты, и тут вот началась покал, полная горя и лишений жизнь. Ване тогда пошел восемнадцатый год.

Видя тяжелое положение семьи, он размышлял себе репетитор и из заработанных денег стал платить за свое учение в гимназии и маме за комнату, которую занимал.

Анна Николаевна вначале решительно отказалась брать от Вани эту плату, но потом, скрыв сердце, согласилась принять эту помощь от не любимого сына.

Ваня усердно работал и с нетерпением ждал окончания курса гимназии, мечтал о поступлении в технологический институт. Завтной мечтой его было: ехать на ту же дорогу, по которой шел его отец. Он поставил себе целью восстановить материальное благосостояние своей семьи, разрушенное преждевременной смертью отца, и, торжествуя нравственную победу над ненавидящей его мамой, прекратить этот многолетний гнет вражды. Ему больно было выслушать незаслуженный упрек Анны Николаевны, но он скрыл обиду и, почтительно поцеловав руку мамы, по окончании обеда ушел в свою комнату.

Анна Николаевна посмотрела вслед уходящему сыну и, пожав плечами, молча встала из-за стола.

Милочка тяжело вздохнула и переехала от стола на свой любимый диванчик, няня, шепнув что-то на ухо детям, поспешно уехала их в детскую.

Грустное, подавленное настроение овладело Анной Николаевной. Она долго ходила взад и вперед по комнате, видимо не замечая ни убравшей со стола служанки, ни неподвижно сидящей на диванчике Милочки. Ея мысли опять устремлялись в прошлое, и снова, помимо воли, восстанавливалась в памяти прежняя счастливая и беззаботная жизнь с мужем. Веселый и привлекательный, несмотря на то, что всегда был обременен работой, муж ее умел веселить во всех особенное жизнерадостное настроение.

«Какая поразительная разница в характерах между отцом и сыном! — подумала Анна Николаевна, представляя себе молчаливого, необщительного Ваню. — Должно-быть, пошел в мать! — и снова чувство ревности, когда-то так сильно ее мучившее, шевельнулось в ее сердце. Она круто повернулась и хотела идти в свою комнату, как вдруг над самым ее ухом раздался торопливый голос Вани.

— Мамаша, Милочка, пойдите в мою комнату. Я там дѣтским сюрпризикам приготовил. Соню и Митю нужно позвать скорѣй, — затормозился он и уже совершенно растерянно проговорил: — и им елочку, маленькую елочку приготовить и уже зажечь.

— Ты?... Дѣтским елку?... — как бы не доверяя своим ушам, спросила Анна Николаевна и съ удивленіем на него посмотрѣла. Онъ поднялъ на нее свои сѣрые глаза и, виновато ей улыбувшись, тихо отвѣтил:

— Да, я. Я только это скрывалъ отъ васъ, хотѣлъ сюрпризика сдѣлать дѣтямъ.

Аннѣ Николаевнѣ не вѣрилось, что этотъ неуклюжій, всегда суровый и, какъ ей казалось, равнодушный къ семьѣ юноша приготовилъ подобный сюрпризъ.

А Вани уже бѣжалъ въ дѣтскую и громко кричалъ:

— Соня, Митя, Боженка вамъ елку послалъ. Идите скорѣй въ мою комнату! — и снова помчался назадъ за сестрой и мачехой, которыхъ уже засталъ у своихъ дверей.

Небольшая комнатка Вани была чисто имъ самимъ убрана. Столъ и стулья отодвинуты къ стѣнѣ. Посреди комнаты, все сверкало огнями, стояла небольшая нарядная елка.

Вбѣжавшіе дѣти съ восторгомъ смотрѣли на нее и, радостно хлопая въ ладоши, весело повторяли:

— Боженка намъ елку послалъ. Боженка добрый!

Милочка, забывъ свое горе, радостно бросилась къ подошедшему брату и съ любовнымъ спросила:

— Ванюша, скрѣпный, скверный, да когда же это ты успѣлъ все купить и приготовить?

— Я и еще кое-что успѣлъ приготовить, для тебя и мамы, — сказалъ онъ, видимо смущаясь. — Соня, это тебѣ, — говорилъ онъ, подавая дѣвчонкѣ большую нарядную куклу съ блѣдыми длинными локонами, вызвавшую самый бурный восторгъ Сони. — А это тебѣ, — и онъ подаль Митѣ высокую, на колесахъ лошадку, на которую мальчуганъ сейчасъ же и уселся, погоняя ее и бросая на сестру побѣдоносные взгляды храбраго издока.

— Смотри, Соня, не подходи близко къ лошади, а то раздавитъ! — крикнулъ Ваня и, дѣлая видъ, что очень ее боится, прижался къ стѣнѣ.

Анна Николаевна съ улыбкой взглянула на цѣлующаго юношу и противъ воли остановилась на немъ умиленный и ласковый взоръ. Она смотрѣла на раскрасившеся отъ радостнаго волненія лицо Вани, на его глаза, весело сверкавшие изъ-подъ густыхъ бровей, и съ изумленіемъ замѣтила въ немъ поразительное сходство съ покойнымъ мужемъ.

«Отчего я раньше этого не замѣчала?» — мысленно упрекнула себя Анна Николаевна и все ласково всматривалась въ преобразившееся лицо Вани.

Какъ непохожъ былъ этотъ теперешній веселый взоръ его на тотъ суровый неподобный взглядъ, къ которому такъ привыкли все его окружающіе.

Словно лучъ весенняго солнца, растопилъ этотъ взоръ ледяную кору, столько лѣтъ покрывавшую сердце Анны Николаевны, и со дня дѣли ей вызвалъ небывалое доселѣ нѣжное чувство къ нелюбимому сыниuku.

— Мамаша, а это вотъ и вамъ приготовить, — проговорилъ Ваня, и неслышно подаль Аннѣ Николаевнѣ небольшой футляръ.

Она съ любопытствомъ раскрыла его, и сердце ея радостно забилось.

Въ футлярѣ, на малиновомъ плюшѣ, лежала давно желанная ею золотая брошь съ раскрашенной фотографіей ея мужа.

Анна Николаевна, въ первый разъ за все 18 лѣтъ, крѣпко, съ любовью поцѣловала склоненную голову юноши.

Онъ порывисто отвѣтилъ на эту ласку, горячо прижавъ къ своимъ губамъ ея руку. Потомъ быстро подошелъ къ столу и развернулъ какой-то свертокъ.

— Ахъ! — вскрикнула Милочка и бросилась къ столу. Передъ нею Ваня держалъ прозрачную бѣлую кисею въ мунжи.

Милочка даже зажмурилась отъ радости. Она видимо не довѣряла собственнымъ глазамъ. Подарокъ былъ слишкомъ неожиданъ.

— А здѣсь и мамѣ на платье, — говорилъ Ваня, развертывая второй свертокъ и вынимая изъ бумажки сѣрую блестящую полушелковую матерію.

— Теперь ты можешь подъ Новый годъ ѣхать съ мамой на твой первый балъ.

Онъ свѣтло улыбуясь, посмотрѣвъ на озаренное счастьемъ лицо сестры, и ласково добавилъ:

— Теперь ты вѣдь больше плакать не будешь?

— Ванюша, милый, голубчикъ! — восторженно проговорила Милочка и стремительно бросилась на шею брата.

Кисей и матерія соскользнули со стола на полъ, но дѣвушка, не обращая на это вниманія, дунула брата въ своихъ горячихъ бурныхъ объятіяхъ, поминутно повторяя:

— Ванюша, я не знала, какой ты хорошій! Ты добрый, славный, и я крѣпко, крѣпко люблю тебя...

Анна Николаевна подняла съ пола матерію и тоже подошла къ Ванѣ.

— Да пусти же меня, стрекоза, — шутливо замѣтила она дочери, — я тоже хочу поцѣловать и поблагодарить Ваню.

— Мягкимъ жестомъ отстранявъ дѣвушку, она нѣжно привлекла къ себѣ сконфуженнаго юношу и, ласково заглядывая ему въ глаза, тихо проговорила: — Ваня, ты сегодня принесъ намъ всемъ большую радость. Милый мой мальчикъ, спасибо тебѣ.

Она въ первый разъ назвала его «милымъ», въ первый разъ съ нѣжной лаской, а не со строгимъ выговоромъ, обратилась къ нему. Подъ ласкающимъ добрымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ Анны Николаевны, юноша забылъ свое одинокое безрадостное дѣтство, забылъ горечь незаслуженныхъ обидъ. Душа его, такъ давно жаждавшая любви и участія, сразу раскрылась, и онъ, примиренный и счастливый, доверчиво встрѣтилъ горѣвший неподдѣльнымъ чувствомъ любви взоръ мачехи.

Они долго молча стояли, крѣпко прижавшись другъ къ другу. Казалось, эта надломленная жизнью женщина искала опоры въ этомъ сильномъ, полномъ энергіи, молодомъ существѣ.

А вокругъ нихъ жизнь кипѣла ключомъ. Соня и Митя, весело и громко покрикивая, носились вокругъ елки, глядя жадными глазами на аппетитныя лакомства. Милочка, что-то напѣвая и чему-то улыбаясь, разсматривала бѣлую кисею. На порогѣ стояла старушка-нянька и, съ добродушной улыбкой поглядывая на ликующихъ дѣтей, тихонько шептала:

— Слава тебѣ Господи, слава Создателю! Дождались и мы радостнаго праздника!

— Но скажи же мнѣ, скажи откровенно, — спрашивала немного погодя Анна Николаевна, усаживая около себя сына: — что это тебѣ вздумалось устраивать эту елку? На какія средства?

— О, объ этомъ я давно думаю, — глубоко вздохнувъ, проговорилъ Ваня. — Я носился съ этой мыслью цѣлый годъ. Видя передъ собой постоянно, какъ вы перебиваетесь изъ дня въ день, я сталъ искать, кромѣ уроковъ, еще другой какой-нибудь работы. Мой знакомый, губернский архитекторъ, далъ мнѣ чертить планы...

— Это, должно-быть, тѣ, которые видѣла Соня и назвала картинками? — живо спросила Анна Николаевна.

— Тѣ самые, — отвѣтилъ Ваня. — Я въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ почти не спалъ надъ ними. Мнѣ хотѣлось заработать на елку дѣтямъ... Я хотѣлъ помочь вамъ... А сегодня, — уже торопливо продолжалъ онъ, точно боясь, что не успеетъ всего высказать: — сегодня, когда я увидѣлъ слезы Милочки, я не выдержалъ, пошелъ къ архитектору и взялъ впередъ у него денегъ на платье и на шитье ихъ. Я потомъ все, все отработалъ, — краснѣя отъ волненія и радости, говорилъ юноша.

— Но, Ваня, вѣдь тебѣ эта работа не по силамъ, — вырвалось у Анны Николаевны. — Это ты ужъ слишкомъ. Я не могу тебѣ этого позволить. Не могу... Я...

— Ничего, ничего, мамаша, — живо прервалъ ее Ваня. — Обо мнѣ не беспокойтесь, я сильный, могу много работать, я вѣдь — въ нану... Вотъ только бы вамъ съ дѣтями перебитьте, пока я буду въ технологическомъ институтѣ, а потомъ... потомъ мы заживемъ такъ же, какъ при папѣ, — докончилъ онъ уже весело и весело — самоуверенно трянулъ густыми волосами. — Правда, Милочка?... — и, не дожидаясь отвѣта, вскочилъ со стула и подбѣжалъ къ своей младшей сестрѣнцѣ.

Черезъ минуту Соня, захлебываясь отъ хохота, сидѣла на плечѣхъ у Вани, который бѣгалъ вокругъ елки, догоняя Митю, и ржалъ по-лошадиному, изображалъ коня.

«Все въ отца!» — подумала Анна Николаевна, глядя на возбужденное и озаренное безпредѣльной радостью лицо сына. Въ веселомъ шумѣ, наполнявшемъ комнату, ей мысленно слышится самоуверенный голосъ Вани, повторяющій: «я сильный, могу много работать, я — въ нану!»

Тихое радостное чувство овладѣло ею. Отъ недавняго раздраженія и недовольства жизнью не оставалось и слѣда. Угнетавшая ее тоска, трепетъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ своихъ дѣтей исчезли, словно туманъ при восходѣ солнца.

Она видитъ впередъ мощную фигуру сына, смѣло вступившаго на дорогу своего отца, она видитъ протянутую ей сильную руку, и снова звучатъ его слова: «я сильный, я — въ нану!»

СОНЪ ЗВѢЗДЫ.

Стихотвореніе Б. П. Никонова.

Въ часъ рождественскаго утра
Сталь свѣтлѣть просторъ небесный,
Долгой ночью весь усыпанъ
Яркихъ звѣздъ толпою тѣсною.

Тихо гаснуть стали звѣзды,
И звѣзда звѣздѣ сказала:
—Снилось мнѣ, что этой ночью
На землѣ я побывала!

Освѣщенный залъ мнѣ снился,
И толпа крутомъ людская.
И дѣтей тамъ было много:
Даже счесть ихъ не смогла я...

Вся въ огняхъ и въ яркихъ блескахъ,
Елка въ залѣ тамъ стояла,
А у елки на верхушкѣ
Гордымъ блескомъ я сіяла.

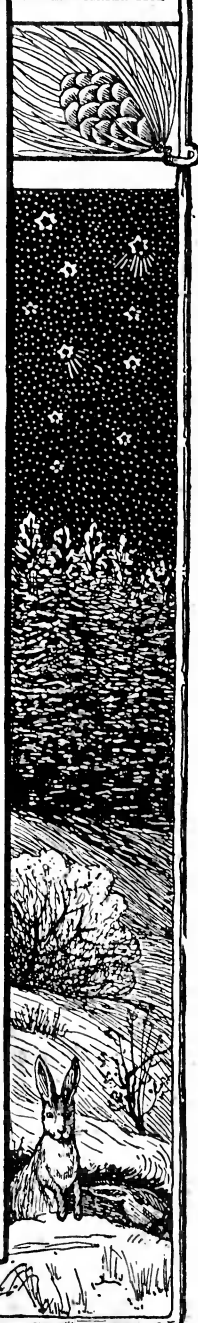
Отъ движенія, бѣга, танцевъ
Свѣчки вдругъ меня дрождали,
А зеленой вѣтки иглы
Тихо бокомъ мнѣ шекотали.

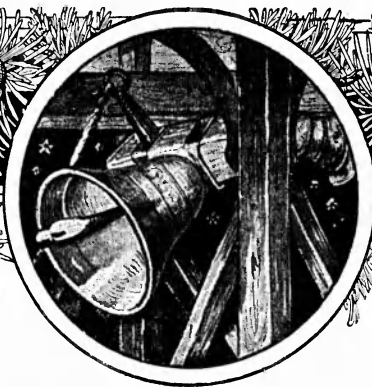
Какъ смѣялись дѣти звонко!
Какъ у нихъ сіяли глазки!
Сколько видѣла тогда я
У людей любви и ласки!

«На людей, на зло земное
Не напрасно ли клеветуютъ?
Я подумала...—И въ людяхъ
И любовь, и радость блещутъ!»

Съ ними вмѣстѣ ихъ весельемъ,
Счастьемъ ихъ я наслаждалась...
Даже дѣти замѣчали,
Какъ тогда я улыбалась!

А когда все снали съ елки,
И за мною потянулася
Чья-то дѣтская ручонка,
Я упала—и проснулася..

Молитва Колокола.

Стихотвореніе Георгія Аркатова.

Колоколь, колоколь!

Въ полночь святую ты громче звени,
Въ громкой мольбѣ, къ небесамъ улетающей,
Муки людей помяни!..

Звѣздною полночью

Въ часъ, когда міръ и спокоенъ, и тихъ,
Звонко повѣдай простору небесному
Повѣсть страданій земныхъ!

Ночью безгласною

Мѣшная пусть не смолкаютъ уста!
Голосомъ скорби на землю безмолвную
Вновь призови къ намъ Христа!

Колоколь, колоколь!

Ночью святою любовь къ намъ зови!
Пусть зазвучитъ надъ словами страданія
Слово святое любви!

Премудрый и преблагий.

Разсказ Жюль Леметра.

Старая Сефора жила в деревнѣ Винолсемѣ.

Она существовала на доходы, получаемые ею со стада козъ и сада со смоковницами.

Въ молодости она жила служанкой у священника, поэтому была болѣе свѣдуща въ религіозныхъ вещахъ, чѣмъ другія дѣвушки ея сословія.

Возвратившись домой въ деревню, она вышла замужъ, нѣсколько разъ дѣлалась матерью, лишилась мужа и дѣтей. И тогда она, стараясь по мѣрѣ возможности быть полезной людямъ, отдала большую долю любви своей животнымъ. Она приручала птицъ и мышей, подбирала брошенныхъ собакъ и измученныхъ кошекъ, и весь ея маленький домикъ былъ наполненъ этими искренними друзьями.

Она любила животныхъ не только за ихъ невинность, за ихъ привязанность къ тѣмъ, кто ихъ любитъ, и за ихъ несравненное добротѣ, но и потому, что въ ней жила сильная потребность къ справедливости.

Она не постигала, зачѣмъ страдаютъ тѣ, которые не могутъ быть ни злыми, ни нарушать невѣдомаго имъ закона.

Страданія людей она объясняла себѣ, какъ умѣла. Обученная священникомъ, она не вѣрила въ то, что все кончается мирнымъ покоемъ Нирваны, ни въ то, что Мессія придетъ только для того, чтобы возстановить земную власть Израиля. «Царство Божіе» — означало господство справедливости за гробомъ. Ей казалось яснымъ, что въ томъ невѣдомомъ мірѣ заслуженное страданіе бываетъ искупленіемъ. Что же касается незаслуженныхъ страданій и безполезныхъ (какъ страданія дѣтей и нѣкоторыхъ несчастныхъ людей, грѣшившихъ очень немного), то на нихъ нужно смотрѣть, какъ на дурной сонъ, который вознаграждается количествомъ блаженства, во всякомъ случаѣ, равнымъ страданіямъ.

Но страдающіе животные? Тѣ, что умираютъ медленною смертію отъ жестокихъ болѣзней, какъ и люди, и при этомъ смотрятъ на васъ своими добрыми глазами? Страданія собакъ, напирѣмъ, любви которыхъ не всегда принимается, или страданія собакъ, терпящихъ своего господина, которому были преданы и который не менѣе ихъ горюетъ объ ихъ утратѣ? Страданія лошадей, вся долгая жизнь которыхъ состоитъ только изъ ряда мучительныхъ напряженій и утомленій подъ ударами кнута и даже самый отдыхъ которыхъ безотраденъ во мракѣ тѣсныхъ конюшенъ? А страданія птицъ пернатыхъ, изнывающихъ въ тоскѣ въ своихъ клеткахъ? А страданія тѣхъ несчастныхъ, жизнь которыхъ состоитъ только въ безсходномъ мученіи и которые даже лишены голоса, чтобы выразить то, что они переносятъ, или чтобы имѣть возможность облегчить свои страданія проклятіями? Къ чему ведутъ ихъ страданія? Что они искупаютъ? И какая имъ можетъ ждаться за это награда?..

Сефора была старуха простая, но такъ какъ она искренно жаждала справедливости, то вопросы эти не разъ волновали ея сердце, и дума о необъяснимомъ злѣ омрачала для нея красоту днѣ и превосходныя краски долинъ Іудеи.

Когда сосѣди пришли сказать ей: «Родился Мессія; прошлую ночью насъ о томъ извѣстили ангелы. Онъ находится въ пещерѣ, вмѣстѣ со своею Матерью, всего четверть часа отсюда; мы уже ходили поклониться Ему!» — старая Сефора отвѣтила:

— Посмотримъ.

У нея была своя мысль.

Вечеромъ, убравъ козъ, насыпавъ корму другимъ своимъ животнымъ и приласкавъ ихъ всѣхъ по очереди, она отправилась въ путь къ чудесной пещерѣ.

... Въ очарованной голубой ночи, долины, утесы, деревня, былинки и травки казались застывшими отъ блаженства. Можно было сказать, что все земное отдыхало въ упоеніи. Но старая Сефора не забывала, что даже и въ этотъ часъ несправедливая природа продолжала творить вѣщи, уничтожающія вѣру во всякое воздаяніе въ будущемъ. Она не забывала, что даже въ этотъ часъ въ обширномъ мірѣ болѣные, не сдѣлавшіе никакого зла, томилась и изнывали въ смертельной тоскѣ на своихъ постеляхъ, что на дорогахъ душили путешественниковъ, что людей мучили такіе же люди, какъ они, что матери рыдали надъ трупами своихъ малютокъ — и животныя невыразимо страдали невѣдомо за что...

Она увидѣла передъ собою пѣкный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой яркій свѣтъ, передъ которымъ блѣднѣлъ даже свѣтъ луны. Свѣтъ этотъ выходилъ изъ пещеры, образовавшейся въ большой скалѣ.

У самаго входа въ пещеру спали, согнувъ колѣни, верблюды, расположившись среди нагроможденныхъ рѣзныхъ и расписанныхъ сосудовъ, фруктовыхъ корзинъ, развѣнутыхъ тяжелыхъ ко-

ровъ и полуоткрытыхъ ящичковъ, въ которыхъ дивно сверкали драгоценные камни.

— Что это значитъ? — спросила старуха.

— Это прибыли цари, — возразилъ ей кто-то.

— Цари? — повторила Сефора, сдвинувъ брови.

Она вошла въ пещеру, гдѣ увидѣла Младенца въ ясляхъ, между Іосифомъ и Марією, окруженного тремя царями Востока, пастухами и земледѣльцами съ ихъ женами и дѣтьми; въ одномъ изъ угловъ пещеры она увидѣла осла и быка.

— Подождите! — сказала она про себя.

Три царя Востока приблизились къ Младенцу, а пастухи почти тѣло уступили имъ дорогу. Но Младенецъ знакомъ велѣлъ подойти пастухамъ.

Старая Сефора стояла неподвижно.

Младенецъ положилъ свою маленькую руку сначала на головы женъ и дочерей, потому что онѣ добрыя и страдаютъ болѣе, за тѣмъ и на головы мужчинъ и мальчиковъ.

Марія же сказала имъ:

— Терпите! Онъ васъ любитъ и пришелъ страдать вмѣстѣ съ вами.

Послѣ этого блѣдный царь подумалъ, что настала его очередь подойти къ Младенцу. Но Младенецъ пѣкнымъ жестомъ подозвалъ къ себѣ сперва чернаго царя, потомъ желтаго.

Черный царь, съ короткими, крѣпко заплетенными и лоснящимися отъ масла, волосами, улыбаясь во весь ротъ, принесъ въ даръ Новорожденному ожерелье изъ рыбныхъ костей, разноцвѣтные камешки, финики и кокосовые орѣхи.

Марія же сказала ему:

— Ты не зоди, но ты ничего не знаешь. Постарайся объяснить себѣ, чѣмъ бы ты былъ, если бы не былъ царемъ страны своей. Не бѣй больше людей и не бѣй своихъ подданныхъ.

Желтый царь, съ косыми глазами, принесъ куски шелковой матеріи, вышитыя фигурами, вазы, на эмали которыхъ, какъ будто, застыли лучи луннаго свѣта, глобусъ изъ слоновой кости, искусно разрисованный и представляющій твердь небесную со всѣми планетами и всѣми сотворенными животными, а также мѣшки съ чаемъ, собраннымъ съ лучшихъ кустовъ и въ лучшее время года.

И Марія сказала ему:

— Не скрывайся болѣе отъ своего народа. Не думай, что вся мудрость житья только въ тебѣ и твоемъ племени. И позаботься о тѣхъ, которые вѣдятъ одинъ плохой рилъ.

Блѣдный царь, въ воинскихъ доспѣхахъ, преподнесъ Младенцу изящныя издѣлія изъ серебра и золота, оружіе съ рѣзкой, статуэтки, изображающія прекраснѣйшихъ женщинъ, и красныя футлярички, содержавшіе рукописи мудреца, котораго звали Платономъ.

Марія сказала ему:

— Не веди несправедливыхъ войнъ. Бойся наслажденій, ожесточающихъ сердце. Издай справедливые законы и вѣрь, что какъ для всѣхъ, такъ и для тебя самого, необходимо, чтобы никого въ твоёмъ царствѣ не обижали.

И послѣ пастуховъ и земледѣльцевъ Младенецъ благословилъ царей, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ позвалъ ихъ.

Старая Сефора размышляла:

«Порядокъ этотъ благоразуменъ. Младенецъ началъ съ тѣхъ, которымъ болѣе всего нужно было Его пришествіе. Онъ ясно даетъ понять, что заботится о справедливости и возстановитъ ея могущество, какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ... А Его Мать говорила весьма мудро. Между тѣмъ, Онъ думаетъ не обо всемъ. Что сдѣлать Онъ для животныхъ?»

Но Марія угадала ея мысли. Она обратилась къ Младенцу, и Младенецъ повернулся въ сторону осла и быка.

Оселъ, худой и шелудивый, и быкъ, жирный, но унылый, приблизились къ яслямъ и обнюхали Іисуса.

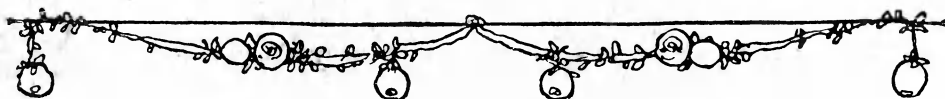
Младенецъ положилъ одну руку на носъ быка, а другой тихонько сжалъ ухо осла.

И быкъ, какъ будто, улыбнулся, а на глазахъ у осла блеснули двѣ слезинки, исчезнувшія въ его жесткой шерсти.

Въ это же время тихо вошелъ одинъ изъ лежавшихъ передъ пещерою верблюдовъ и доверчиво протянулъ Младенцу свою голову.

Старая Сефора поняла, что это означало. Есть, стало-быть, рай и для страдающихъ животныхъ!..

И она приблизилась къ Младенцу.

Въ сочельникъ.

(Изъ Теодора Шторма).

По городу чуждому я шагалъ,
Подхваченный веселою толпою;
Въ свой домъ, къ семьѣ, переносился мечтою,
Я ничего кругомъ не замѣчалъ.
Въ рождественскій сочельникъ это было.
Вдругъ прозвучалъ осиншій голосокъ:
„Купите!“—и какой-то пустячокъ
Мнѣ худенькая ручка предложила.
Я вздрогнулъ. И при свѣтѣ фонаря
Лишь блѣдный дѣтскій обликъ на мгновенье
Мелькнулъ передо мною, какъ видѣнье;
Но только и успѣлъ примѣтить я.

Ускорилъ я шаги. А мнѣ влогонку
Молящій голосокъ, уже сверхъ силъ,—
„Купите!“—все безъ умолку твердилъ;
Однако-же никто не внялъ ребенку.
Отъ снѣжки ли, изъ дождяго-ль стыда,
Откланявшись на зовъ я не рѣшился;
Когда же напоследокъ спохватился—
По вѣтру онъ разнесся безъ сѣда.
И сердце вдругъ заняло такъ тоскливо,
Какъ будто мой ребенокъ тамъ сидѣлъ,
Просилъ на хлѣбъ, и мнѣ въ лицо глядѣлъ,
А я бѣжалъ,—какъ воръ, бѣжалъ трусливо...

В. С. Лихачевъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Въ праздникъ Рождества съ какимъ-то особымъ чувствомъ святости и благоговѣйнаго интереса смотреть люди на небо. Усыпанное мириадами звѣздъ, оно какъ бы глядитъ безчисленными свѣтлыми очами въ душу земли. На такомъ же небѣ двадцать вѣковъ тому назадъ заблестала и повела святая звѣзда съ Востока, возвѣстившая рождение Спасителя, и прозрѣло небо, когда среди мириады очей его возгорѣлась эта звѣзда, и поняла земли небо.

Какъ часто, какъ много смотримъ мы въ небо, но какъ рѣдко и сколь немногимъ изъ насъ „звѣздная книга ясна“. Пылливому уму нуженъ своего рода „путеводитель по небу“, который показалъ бы и объяснилъ бы, подобно тому, какъ на землѣ, все особенно выдающееся, яркое на небѣ; необходимъ особый „звѣздный атласъ“, такого же рода, какъ атласъ земли, который далъ бы наглядную картину свода небеснаго съ точными, ясными обозначеніемъ каждого свѣтила.

И такого рода „Путеводителемъ по небу“ и „Звѣзднымъ атласомъ“ обогатилъ нашу науку молодой, талантливый астрономъ К. Д. Покровский (въ юрьевскомъ университетѣ). „Путеводитель“ (съ 5 картами звѣзднаго неба, картой луны, двумя хромофотографиями—картой Марса и полного луннаго затмения и 101 рис.—стоитъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.) вышелъ уже вторымъ изданіемъ, а „Звѣздный атласъ“ изданъ только-что, передъ самымъ Рождествомъ, и представляетъ собой очень полезное и изящное изданіе (изд. А. Ф. Маркса. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.). Закладывая въ себѣ 13 картъ, двѣ таблицы, 15 сѣтокъ съ объяснительнымъ текстомъ и 5 рисунковъ-изображеніями созвѣздіи, „Звѣздный атласъ“ является дополненіемъ къ „Путеводителю по небу“, но въ то же время имѣетъ важное самостоятельное значеніе для многихъ любящихъ созерцать въ небо смотреть—для цѣлаго ряда астрономовъ-любителей, какъ пособие для организаціи систематическихъ наблюдений различнаго рода астрономическихъ явленій.

„Плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ“—плохъ тотъ астрономъ, хотя бы и любитель, который не надѣялся бы открыть новую комету. Такие случаи были, и очень характерные. Въ 1826 г. австрійскій консулъ

Берта Зуттнеръ, известная нѣмецкая писательница, удостоенная премии Нобеля за идеи въ пользу мира, проповѣдуемая ею въ своемъ знаменитомъ романѣ „Долой оружіе“ и въ цѣломъ рядѣ рѣчей и воззваній.

рышши, и подростка-учащагося, и дѣлового человѣка; соответственно тому отличается и внѣшняя одѣлка, но все они очень дешевы; въ нынѣшнемъ году цѣны еще повышены на 15—20 процентовъ.

Календари.

Книга у насъ—будь то разсказъ, учебникъ, календарь, азбука, листовка—завоевывающая съ каждымъ годомъ все болѣе широкій кругъ читателей въ народѣ, облагораживается, становится опрятнѣе, даже дѣлается изящной. Распространяющійся спросъ даетъ возможность съ выгодой затрачивать большія средства на такіе изданія. Да и съ развивающимся вкусомъ приходится считаться. Замѣтна эта побѣда вкуса и на календаряхъ. Какіхъ-нибудь 10 лѣтъ тому назадъ это была стопка грязно отпечатанныхъ скучныхъ листовъ съ цифрами, наклеенныхъ на аляповатую вѣбную науку, и стоили они сравнительно дорого. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ нѣмецкой фирмѣ „Отто Кирхнеръ“ въ С.-Петербургѣ. Она стала издавать изящные календари, прочные, толковые и интересно составленные и весьма дешевые.

Съ каждымъ годомъ фирма вырабатываетъ все новыя и новыя типы отрывныхъ, записныхъ, передвижныхъ календарей, дневниковъ, таблицъ, ежедневниковъ, еженедѣльниковъ, ежемѣсячниковъ и т. д. Довольно сказать, что однихъ отрывныхъ календарей фирмы болѣе 300 типовъ; при этомъ предусматриваются всевозможныя вкусы—и дамскіе, и барышнінскіе, и подростка-учащагося, и дѣлового человѣка; соответственно тому отличается и внѣшняя одѣлка, но все они очень дешевы; въ нынѣшнемъ году цѣны еще повышены на 15—20 процентовъ.

Генрикъ Сенкевичъ (по литературѣ).

Знаменитый бактериологъ проф. Робертъ Кохъ (по медицинѣ).

Мюнхенскій профессоръ Бейеръ (по химіи).

Кильскій профессоръ Филиппъ Ленаръ (по физикѣ).

Новое присужденіе преміи Нобеля, въ Стокгольмѣ. Удостоенные преміи.

Новое издание А. Ф. МАРКСА:
ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

Полное собрание
сочинений

И. В. ОМУЛЕВСКАГО.

Н. К. Арсеньевъ, гласн. петерб. губ. зем. и думы, известный писатель.

Н. Н. Баженовъ, известный психиатръ, гласный харьков. губ. зем.

Н. В. М. Голицынъ, бывший московский городской голова.

О. А. Головинъ, предсѣд. моск. губ. земской управы.

А. И. Гучковъ, гласный московской думы.

Н. В. Давыдовъ, прив.-доц. моск. унив., предсѣд. моск. окр. суда.

Н. П. Д. Долгоруковъ, гласный москов. губ. земства.

Н. А. Набукъ, прив.-доц. моск. унив., гласн. моск. губ. зем. собр. и членъ губ. земск. управы.

О. О. Кокшкинъ, прив.-доц. моск. унив., гласный моск. губ. земства.

М. Г. Комиссаровъ, владим. губ. гласный.

М. В. Красовскій, предс. петерб. думы.

Проф. военно-юрид. ак. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, гласн. тверск. губ.

С. А. Муромцевъ, гласный моск. губ. земства.

А. О. Немировскій, саратов. городской голова.

И. И. Поповъ, гласный иркутской городской думы.

Я. В. де-Роберти, гласн. тверск. губ.

Н. О. Рихтеръ, предсѣд. моск. уездн. земск. управы.

М. А. Стаховичъ, орлов. губ. предводитель дворянства.

Н. П. Н. Трубецкой, моск. предводитель дворянства.

Д. Н. Шиповъ, бывш. уполном. общеземск. организ. на войнѣ.

Земские и городские дѣятели.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ № № журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1906 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Свиданіе. Очеркъ И. Н. Потапенко. — Человѣкъ, потерявшій сердце. Рождественская сказка Г. Т. Сѣверцева (Полилова). — Вѣтъ елки. Стих. князя Ф. Косаткина-Ростовскаго. — Вѣня. Рождественскій разсказъ В. Евстафьевой. — Сонъ звѣзды. Стихотвореніе Б. П. Никонова. — Молитва колокола. Стихотвореніе Георгія Аркатова. — Премудрый и Преблагій. — Въ сочельникъ. Стих. В. С. Лихачева. — Библиографія. — Заявленія. — Объявленія. РИСУНКИ: Въ святую ночь. — Ночь на Рождество. — Сочестіе во адъ. — Новое присужденіе премии Нобеля въ Стокгольмѣ. Удостоенные премии: 1) Берта Зиттнеръ. 2) Генрикъ Сенкевичъ. 3) Профессоръ Робертъ Кохъ. 4) Профессоръ Бейеръ. 5) Профессоръ Филиппъ Ленаръ. — Земскіе и городскіе дѣятели: 1) Н. К. Арсеньевъ. 2) Н. Н. Баженовъ. 3) Н. В. М. Голицынъ. 4) О. А. Головинъ. 5) А. И. Гучковъ. 6) Н. В. Давыдовъ. 7) Н. П. Д. Долгоруковъ. 8) Н. А. Набукъ. 9) О. О. Кокшкинъ. 10) М. Г. Комиссаровъ. 11) М. В. Красовскій. 12) Проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. 13) С. А. Муромцевъ. 14) А. О. Немировскій. 15) И. И. Поповъ. 16) Я. В. де-Роберти. 17) Н. О. Рихтеръ. 18) М. А. Стаховичъ. 19) Н. П. Н. Трубецкой. 20) Д. Н. Шиповъ.

Нѣ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 49.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. И. Свѣтловъ.

